

**«ИНОСТРАНЦЫ НА ЧУЖБИНЕ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
«ОЧЕРКОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ» Е. Н. ЧИРИКОВА
«ЧУЖЕСТРАНЦЫ»**

© Михаил Перепёлкин, Оксана Пелевина

**“FOREIGNERS IN A FOREIGN LAND”: A HISTORICAL CONTEXT OF
“STRANGERS” FROM E. CHIRIKOV’S “ESSAYS ON PROVINCIAL LIFE”**

Mihail Perepelkin, Oksana Pelevina

Written at the turn of the 19th– 20th centuries, Evgeny Chirikov’s novel “Strangers”, reflecting the realities of provincial life, received an impressive number of critical reviews from the author’s contemporaries. However, decades later, critics took a different look at the work of E. Chirikov. The article examines the historical context of the novel created by the writer, searches for real prototypes of the characters depicted by the author, authentic events that served as a source of inspiration for Chirikov; as a result, the position of the writer’s contemporary critics is questioned. We have established that several episodes of the Samara “newspaper battles” of the 1880s – 1890s were taken as the basis for the plot development in the story “Strangers” by E. Chirikov, the main episode was the short “Marxist” period of “The Samara Vestnik”. We suggest that, while depicting Samara and Samara Messenger on the pages of the story, the author of “Strangers” did not copy the reality, recreating it in the way required by the laws of creating an artistic image. Finally, we prove that when creating the images of individual characters in “Strangers”, the writer acted in at least three different ways: “copying” the characters from real prototypes, “splitting” the prototypes into different characters, and finally, combining several real figures into one character.

Keywords: E. Chirikov, novel “Strangers”, “The Samara Vestnik”, R. Zimmerman, Russian literature of the turn of the 19th – 20th centuries

Написанная на рубеже XIX–XX веков повесть писателя Евгения Николаевича Чирикова «Чужестранцы», отражающая реалии провинциальной жизни, получила впечатляющее количество критических отзывов от современников автора. Однако спустя десятилетия критики по-иному взглянули на произведение Е. Н. Чирикова. В статье рассматривается исторический контекст созданной писателем повести, проводится поиск реальных прототипов изображенных автором персонажей, подлинных событий, послуживших источником вдохновения для Чирикова, подвергается сомнению позиция современных писателю критиков. Установлено, что в основу сюжетного развертывания повести «Чужестранцы» Е. Н. Чирикова положены сразу несколько эпизодов самарских «газетных баталий» 1880–90-х гг., главным из которых стал недолгий «марксистский» период «Самарского вестника». Также выдвинуто предположение о том, что, изображая на страницах повести Самару и «Самарский вестник», автор «Чужестранцев» не копировал реальность, пересоздавая ее так, как того требовали законы создания художественного образа. Наконец, доказано, что, создавая образы отдельных персонажей в «Чужестранцах», писатель действовал как минимум тремя разными способами: «срисовывая» героев с реальных прототипов, «раздваивая» прототипы на различных персонажей и, наконец, объединяя несколько реальных фигур в одного героя.

Ключевые слова: Е. Н. Чириков, повесть «Чужестранцы», «Самарский вестник», Р. Э. Циммерман, русская литература рубежа XIX–XX веков

Для цитирования Перепёлкин М., Пелевина О. «Иностранцы на чужбине»: исторический контекст «очерков провинциальной жизни» Е. Н. Чирикова «Чужестранцы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 157–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-157-162

В 1899 году в трех номерах журнала «Жизнь» увидела свет повесть Е. Н. Чирикова «Чужестранцы (Очерки провинциальной жизни)», вы-

званная бурную полемику в читательских кругах и принеся, вместе с другой повестью примерно этого же времени – «Инвалиды», ее автору

первую широкую известность. Подытоживая, однако, оценки критиков, выступивших с откликами на «Чужестранцев», современный исследователь А. В. Назарова констатирует, что повесть была воспринята как «самое плохое по выполнению» и «производящая неясное и неотчетливое впечатление» произведение писателя, представляющее собой «легкомысленно-ребячливую экскурсию в область нравственно-политических вопросов». Причину этого неприятия критикой чириковской повести тот же исследователь видит в сложности позиции писателя, который, с одной стороны, рассуждает о «непрактичности, идеализме, порой даже некоторой зашоренности взглядов народников» [1, с. 182], а с другой – «отмечает ряд отталкивающих черт и у представителей марксистской идеологии, рисует их самоуверенность, надменность, а порой и просто агрессию по отношению к инакомыслящим» [Там же]. Полагаем, что к этим оценкам современной писателю критики сегодня есть что добавить, тем более что в основу повести легла реальная ситуация, имевшая место в Самаре, где писатель жил в 1894–95 гг., и, наблюдая которую, он во многом нашел для себя именно ту позицию, что так или иначе будет занимать и во многих других своих произведениях, написанных как в России, так и многие годы спустя в эмиграции.

Итак, прежде всего – несколько слов о фабуле чириковской повести. Действие повести разворачивается в провинциальном городе «в глубине России» [2], общество которого занято службой, интригами, благотворительными спектаклями, спиритическими сеансами и т. д. В то же самое время в этом городе, но – «обособленно, совершенно в стороне от местного культурного общества, живет кучка интеллигентов» [Там же], которые держались «своим кругом и не имели решительно никаких соприкосновений с общественной жизнью города, чуждые его интересов, злоб дня, дразг и сплетен» [Там же]. Неожиданное оживление в эту давно сложившуюся и ничем не нарушаемую жизнь двух разных слоев городского общества, и особенно – второго из них, вносят два одновременно произошедших события: приезд в город семейства Промотовых, состоящего из кандидата прав и марксиста Владимира Николаевича и его жены Зинаиды Петровны, и – предложение, сделанное редактором местной газеты «Вестник» одному из «чужестранцев», сыну купца Тарасова, о приобретении газеты, оказавшейся без средств к существованию. Приняв это предложение, «чужестранцы» преображаются, занявшись увлекательным и общественно-полезным делом, а сре-

ди читателей газеты появляются даже рабочие, находящиеся среди помещаемых на ее страницах материалов отвечающие и их классовым интересам также. Но длится этот газетный подъем совсем недолго: цензор не пропускает материалы, редактор-издатель Евгений Алексеевич Тарасов, увлеченный любовным чувством к интриганке Стоцкой, забывает о своих деловых обязанностях, а в довершение всех несчастий Промотовы ссорятся с Рябчиковыми, сдавшими первым помещением для редакции «Вестника». Подписчики также не жалуют газету под новой редакцией, «засыная над „скучной материей“, бесчисленными цифрами, фактами <...> и удивляясь непонятной полемике из-за каких-то там „факторов“ политических, экономических и нравственных, до которых им не только не было никакого дела, но о существовании которых они подчас даже и не подозревали вовсе» [Там же]. Наконец, бывший владелец «Вестника» наносит последний и решительный удар по терпящей несчастье за несчастьем газете и ее редакции: купив «Справочный листок объявлений», он расширяет его программу и таким образом создает конкурирующее с «Вестником» издание, удовлетворяющее интересам публики и переманившее многих подписчиков. Этот удар сопровождается требованием владельца помещения внести плату за арендуемые площади, уходом из «Вестника» репортеров, а также – размолвками и ссорами среди самих «чужестранцев»; все это вместе ставит точку в издании газеты. Завершается повесть отъездом из города одного из самых убежденных ее сотрудников, Силина: с концом газеты завершается и его миссия в этом городе, который всегда был и впредь останется сонным городом «в глубине России», чуждым каких-либо перемен и обновлений.

Такова фабула «Чужестранцев», а теперь – о том, что предшествовало работе над повестью и о том, осталось за ее рамками.

Е. Н. Чириков приехал в Самару в феврале 1894-го и прожил в ней до июля 1895 года, сотрудничая вначале с «Самарской газетой», а с осени 1894 года, когда группа бывших сотрудников этого издания покинула его и начала свою работу в «Самарском вестнике», он тоже стал сотрудником последнего, публикуя на его страницах в том числе наброски к будущим «Чужестранцам» [3, с. 3]. Живя в Самаре, а после – уехав из нее, но не порвав связей со своими самарскими знакомыми, писатель, разумеется, знал о тех эпизодах газетных баталий, которые имели место как до его приезда сюда, так и во время самарской жизни и службы в газетах, и даже после отъезда с берегов Волги на берега совсем

других рек. Эпизодов же этих было несколько, и каждый из них так или иначе мог отразиться в сюжете чириковской повести.

В повести Е. Н. Чирикова не фигурирует название города, где происходит ее действие, но при этом на страницах повести фигурирует масса подробностей и примет, позволяющих с большой степенью уверенности утверждать, что местом действия является именно Самара. Здесь и Волга (*«Разлившаяся Волга затопила луговую сторону на целые десятки верст»* [2]), и Дворянская улица (*«Ужасное убийство. На Дворянской улице... А у нас оно имеется?»* [Там же]), и описание окраин города, *«обратившихся в грязную русскую Венецию»* [Там же], и еще многое другое. Разумеется, Чириков – совсем не фотограф, и он не ставил перед собой цели «написать Самару», создавая образ провинциального города «в глубине России», но постольку, поскольку город также участвует в действии повести, писатель наделяет этот образ точными и узнаваемыми характеристиками.

Во многом аналогичной была и ситуация с изображением «газетной истории», выступившей своеобразным центром сюжета повести. Здесь также много совпадений с реальностью – от названия газеты (в повести Чирикова это «Вестник») до целого ряда более или менее явных совпадений в характеристиках героев и обстоятельств (например, среди писем в редакцию, которые получают герои повести, попадаетея «одно анонимное», автор которого *«ругал газету, редактора и всех сотрудников самыми сквернейшими словами и в заключение заявлял: „Читаю «Гражданина» и «Русь» и ничего не боюсь!»* [2]; этот же «девиз» можно встретить и у Н. А. Самойлова, по словам которого в «Самарском вестнике» до обновления его редакции с ним «носился» «один своеобразно идейный сотрудник – И. Н. Ржанов, прототип члена будущего „Союза русского народа“» [4, с. 93]). Но при этом Чириков совершенно не собирался копировать реальность, позволяя себе отступления от нее и даже – весьма серьезные: например, вместо полугода его «чужестранцы» занимаются газетой ровно год – с весны и до весны, и т. д.

В этом контексте представляется любопытным попробовать сделать некоторые предположения о том, кто из реальных сотрудников «Самарского вестника» и близких к этому изданию людей стал или мог стать прототипами «Чужестранцев». И здесь надо прежде всего отметить, что почти с каждым из героев повести Чирикова, по нашему мнению, ситуация обстоит особым образом, требующим самого скрупулезного внимания и анализа.

Во-первых, среди героев повести есть такие, установить прототипы которых не представляется затруднительным. Именно к таким героям принадлежит «редактор местной газеты „Вестник“» Борис Дмитриевич Сорокин, с которым читатель впервые знакомится на заседании правления общества «Мизерикордия» в доме генеральши, а уже затем встречает его в редакции самой газеты и узнает о постигших газету несчастьях, которые вынуждают редактора продать газету марксистам. В том, что Сорокин «списан» Чириковым с владельца и официального редактора «Самарского вестника» Н. К. Реутовского, легко убедиться: его портрет нарисован и мемуаристами Н. А. Самойловым и А. А. Саниным и – Н. Г. Гариным-Михайловским в очерках «В сутолоке провинциальной жизни». Отметим, однако, что, «срисовывая» Сорокина с Реутовского, Чириков позволил себе целый ряд неточностей: например, чириковский Сорокин вначале обращается к «чужестранцам» за помощью и продает им газету, но потом, собравшись с силами, приобретает «Справочный листок объявлений» и тем самым приближает конец «Вестника», тогда как Н. К. Реутовский всегда «был и до конца оставался собственником и официальным редактором „Самарского вестника“» [5, с. 39], даже решительным образом разошедшись во взглядах с его сотрудниками и перестав узнавать и здороваться с некоторыми из них [Там же, с. 42]. Еще одним персонажем, прототип которого может быть идентифицирован с большой вероятностью попадания в цель, является марксист Ерошин, еще до перехода газеты в руки «чужестранцев» уехавший в ссылку в Шенкурск, откуда от него приходят корреспонденции, *«обличающие шенкурцев в спячке, в бездеятельности, <...> в индифференцизме к общественным вопросам»* [2]. Есть основания думать, что под именем Ерошина на страницах повести был выведен А. А. Скляр-енко, «присылавший свои статьи из Архангельской губернии, где он жил в ссылке» [5, с. 10].

Во-вторых, ряд персонажей, выведенных Чириковым на страницах «Чужестранцев», с трудом поддается однозначной идентификации в реальности, что связано, скорее всего, в том числе со стремлением писателя уйти от слишком явной узнаваемости некоторых из его героев. Речь здесь идет прежде всего о таких значимых для повести персонажах, как Евгений Алексеевич Тарасов и Владимир Николаевич Промотов, первый из которых является в сюжете «Чужестранцев» редактором-издателем «Вестника», а второй значится ее секретарем, но на деле является фактическим редактором газеты. В повести нарисованы развернутые портреты обоих персонажей,

даются их подробные характеристики. Первый из названных героев, Тарасов, – самарец по происхождению, сын богатого купца и домовладельца, выучившийся в местной гимназии, но «добровольно отошедший в сторону» от своих родителей и превратившийся таким образом в «чудака», который занимался живописью и «носил длинные волосы»; к нему и обращается за помощью редактор Сорокин, рассчитывающий на финансовое участие отца Тарасова в делах «Вестника». Став редактором-издателем газеты, Евгений Тарасов относится к этому делу не особенно серьезно, гораздо больше увлекаясь ухаживаниями за вдовой предводителя дворянства Еленой Стоцкой; его несерьезное отношение к делу становится в конечном счете одной из причин краха газеты. Другой герой, Владимир Промотов, окончил юридический факультет в Петербурге, где женился, и после этого несколько лет вместе с женой они прожили в Лаишеве, «на берегу красивой и глубокой Камы», откуда, наконец, они вырвались хоть и не в Петербург, но в город, где могли попробовать найти возможности для применения своих сил и способностей. Став сотрудниками газеты (Владимир Николаевич – ее фактическим редактором, а его жена, Зинаида Петровна, – секретарем), Промотовы вложили в нее все свое состояние, оставшись без которого, они снова превращаются в «свободных художников», горестно радуясь этому обстоятельству.

«Дешифровать» образы Тарасова и Промотова путем «сличения» этих героев с исторической реальностью невозможно: как уже было сказано, редактором-издателем «Самарского вестника» на всем протяжении его выхода оставался один и тот же человек – Н. К. Реутовский, выведенный Чириковым под именем Сорокина, а роль фактического редактора в этой газете играли сразу четыре сотрудника – Р. Э. Циммерман, П. П. Маслов, В. В. Португалов и А. А. Санин. В таком случае, кто же такие Евгений Тарасов и Владимир Промотов?

На наш взгляд, оба эти персонажа были «списаны» автором «Чужестранцев» с одной и той же фигуры – Н. Г. Гарина-Михайловского, с одной стороны, выступившего пайщиком «Самарского вестника» (одним из трех, тогда как двумя другими стали его же гражданская жена В. А. Садовская и не желавшая «отстать от дорогого ей Николая Георгиевича» [5, с. 60] В. Б. Янишевская), а с другой – бывшего ее душой и идеологом (не зря А. А. Санин писал о том, что «Гарин изъявил согласие <выступить пайщиком газеты. – М. П., О. П.>, но под непременным условием, чтобы „Самарский вестник“

сделался марксистским органом» [Там же, с. 22]). Заметим, что причины, которые могли подтолкнуть Чирикова к «раздвоению» реального Гарина-Михайловского были, как были и причины для того, чтобы сделать этот прототип малоузнаваемым, скрывшимся за раздвоением в персонажах повести. Не последнее место среди этих причин принадлежит тем личным обстоятельствам, которые сопровождали пребывание и деятельность Гарина в Самаре в середине 1890-х гг.: продолжая находиться в браке с женой, Н. В. Михайловской, урожденной Чарыковой, он вступил в близкие отношения с В. А. Садовской; обе женщины рожали от него детей, деля между собой привязанность к ним Ники, как они его называли; провинциальное общество же весьма косо смотрело на всю эту ситуацию, на все лады обсуждая ее и осуждая всех ее участников. Так, с нашей точки зрения, на страницах повести могли появиться Промотов-семьянин и Тарасов – женский угодник и воздыхатель, первый из которых – образованный петербуржец и умница, а второй – несколько взбалмошный и чудаковатый провинциал, чуждающийся систематической работы и перебивающийся случайными заработками и подачками сочувствующих ему близких. Гарин удивительным образом умел сочетать в себе и то, и другое, и это хорошо знал Е. Н. Чириков, друживший с ним и в том числе ради этой дружбы «спрятанный» слишком узнаваемого Н. Г. Гарина-Михайловского под личинами сразу двух персонажей – Тарасова и Промотова.

Наконец, в-третьих, читатель встречается на страницах повести с явлением, противоположным описанному выше: в данном случае ее автор не «раздваивает» реальное лицо на двух вымышленных персонажей, а, напротив, создает одного героя, который объединяет в себе черты нескольких реальных. Именно таким персонажем является один из «чужестранцев», Силин, «рисовавший мрачные перспективы судеб русской интеллигенции, обреченной, по его мнению, на вымирание и отступление перед новой классовой интеллигенцией» [2]. По нашему мнению, в Силине Чириков соединил всех тех, кто явился, по словам А. А. Санина, «руководителями „первой марксистской газеты в России“» – Р. Э. Циммермана, П. П. Маслова, В. В. Португалова и А. А. Санина. «„Ревельский гражданин“, как он значился в паспорте, недавно возвратившийся из Восточной Сибири, куда был сослан на 5 лет по делу „Самоуправления“; сын казака, выписавшийся из казачьего сословия для получения образования и отсидевший более 2 ½ лет в казанской тюрьме и питерских Крестах; сын врача, не

сделавшийся врачом по воле жандармов; сын священника, бросивший богословие, чтобы изучать медицину, и попавший в те же Кресты» [5, с. 35], – так характеризует четверку редакторов «Самарского вестника» мемуарист. Столь же пестр и портрет Силина, нарисованный в «Чужестранцах» Чириковым: он – «нытик» [2] и «пролетарий-интеллигент» [2], перенес в молодые годы «много страданий», которые «сделали его лицо суровым, избородили лоб морщинами, расшатывали здоровье, <...> привели к безверью, к пустоте и бессодержательности, к этому проклятому настроению бессилия и безнадежности» [2]; он – «скептик», который смотрит «холодным взором <...> на грызню интеллигенции» [2]. В газете Силин ведет «литературные заметки и обзоры политической жизни» [2], а после ее окончательного краха добывает себе «разрешение поехать для поправления своего здоровья за границу, на воды» [2], и покидает город.

Пожалуй, ни один из названных сотрудников «Самарского вестника» не сочетал в себе всех перечисленных черт и качеств, но, соединив их всех в фигуру одного персонажа, Чириков убил сразу двух зайцев – и вывел на страницах повести сразу всех, причастных к делу реальных действующих лиц самарской «газетной истории», и – создал фактурного героя со сложившимся характером и отвечающим всем возложенным на него сюжетом повести задачам и ожиданиям. Вместе с тем есть, на наш взгляд, и основания для того, чтобы утверждать, что, создавая образ Силина, Чириков имел в виду в большей степени, чем кого бы то ни было, одного из руководителей самарской «марксистской группы» – Р. Э. Циммермана. Основания эти следующие: именно Циммерман, как мы видели из воспоминаний А. А. Санина, был самым старшим из самарских марксистов и действительно перенес «много страданий», отбыв сибирскую ссылку; подписывавший свои газетные публикации Rigo (от имени французского революционера и деятеля Парижской коммуны Рауля Ригго, погибшего от рук ее противников), он и в самом деле был скептиком, смотревшим свысока на «грызню интеллигенции». Современник Циммермана и М. Горького, хорошо знавший их в самарских период их деятельности, А. А. Смирнов (Треплев) дает такую характеристику Циммерману, часто бывавшему, по его словам, в самарских «салонах», где собиралась демократическая интеллигенция 1890-х: «...бывший студент Петербургского университета, марксист, научно-образованный, высокий шатен лет 28, с очень правильными чертами румяного лица, освещенного большими серыми, немного близорукими

глазами, всегда в золотом пенсне. Эти глаза, пристально глядевшие на собеседника, и большой открытый лоб напоминали критика Д. И. Писарева, как он изображен на всем известном портрете» [6, с. 382]. Напомним также, что, по словам Л. И. Янкиной, именно Р. Э. Циммерман «стоял во главе группы сотрудников» [7, с. 39], порвавшей с «Самарской газетой» и перешедшей в «Самарский вестник». Вместе с тем подчеркнем, что, акцентируя сходства Силина с Циммерманом, Чириков совсем не стремился к тому, чтобы выделить в герое кого-то из прототипов: гораздо важнее ему было другое – подчеркнуть связь героев повести с реальностью, которая не заслоняла вымысел, но и не заслонялась им, вступая с ним в диалогические отношения и углубляя художественные образы.

Сделаем выводы из сказанного выше.

Первое. Установлено, что в основу сюжетного развертывания повести «Чужестранцы» Е. Н. Чирикова положены сразу несколько эпизодов самарских «газетных баталий» 1880–90-х гг., главным из которых стал недолгий «марксистский» период «Самарского вестника», длившийся с середины октября 1896 года по середину марта следующего, 1897-го.

Второе. Изображая на страницах повести Самару и «Самарский вестник», автор «Чужестранцев» не копировал реальность, отступая от нее и пересоздавая так, как того требовали законы создания художественного образа. Таким образом, между реальностью и вымыслом выстраивается система сложных связей и взаимоотношений, анализ которой углубляет наше представление о художественной реальности «Чужестранцев».

И третье. Создавая образы отдельных персонажей в «Чужестранцах», писатель действовал как минимум тремя разными способами: «срисовывая» героев с реальных прототипов, «раздваивая» прототипы на различных персонажей и, наконец, объединяя несколько реальных фигур в одного героя. В последнем случае Е. Н. Чириков мог акцентировать близость героя к одному или нескольким прототипам (как была акцентирована, например, близость Силина к Р. Э. Циммерману), что совсем не сужало образ, а, напротив, делало его еще более сложным и динамичным.

А в заключение еще раз вернемся к оценкам повести современниками Е. Н. Чирикова, увидевшими в «Чужестранцах» «производящее неясное и неотчетливое впечатление» произведение писателя. По нашему мнению, исторический контекст повести меняет дело, делая позицию писателя вполне ясной и отчетливой, а претензии современной писателю критики – во многом ангажированными с идеологической точки зрения

и не всегда и не во всем последовательными – с эстетической.

Список источников

1. Назарова А. Критическая полемика вокруг повестей Е. Н. Чирикова «Инвалиды» и «Чужестранцы» // Озерная школа. Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. СПб., 2009. С. 174–184.
2. Чириков Е. Н. Чужестранцы. URL: <https://lanterne.ru/evgeniy-chirikov-chuzhestrantsyi.html/2> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Перепелкин М. А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Самара: ООО «Слово», 2020. 152 с.
4. Самойлов Н. Первая легальная марксистская газета в России («Самарский вестник», 1896–1897 гг.) // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 90–109.
5. Санин А. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.). М., 1933. 74 с.
6. Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Стихи. Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. 512 с.
7. Янкина Л. И. М. Горький в Самаре. Куйбышев, 1973. 112 с.

References

1. Nazarova, A. (2009). *Kriticheskaya polemika vokrug povestei E. N. Chirikova "Invalidy" i*

"Chuzhestrantsy" [Critical Controversy around E. Chirikov's Stories "Invalids" and "Strangers"]. *Ozernaya shkola. Trudy pyatoi Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature*, pp. 174–184. St. Petersburg. (In Russian)

2. Chirikov, E. N. *"Chuzhestrantsy"* [Strangers]. URL: <https://lanterne.ru/evgeniy-chirikov-chuzhestrantsyi.html/2> (accessed: 20.04.2023). (In Russian)

3. Perepelkin, M. A. (2020). *Evgenii Nikolaevich Chirikov. Samarskie stranitsy zhizni i tvorchestva* [Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Pages of Life and Work]. 152 p. Samara, Slovo. (In Russian)

4. Samoilov, N. (1927). *Pervaya legal'naya marksistskaya gazeta v Rossii ("Samarskij vestnik", 1896-1897)* [The First Legal Marxist Newspaper in Russia (Samarsky Vestnik, 1896–1897)]. *Proletarskaya revolyutsiya*. No. 4, pp. 90–109. (In Russian)

5. Sanin, A. (1933). *"Samarskii vestnik" v rukah marksistov (1896-1897)* ["The Samara Vestnik" in the Hands of the Marxists (1896–1897)]. 74 p. Moscow. (In Russian)

6. Smirnov, (Treplev) A. (2006). *Teatr dush: Stikhi. Kriticheskie etyudy. Vospominaniya. Pis'ma* [Theater of Souls: Poems. Critical Studies. Memories. Letters]. (Samarskii literaturnyi arhiv. Vypusk 1). 512 p. Samara, Samarskii universitet. (In Russian)

7. Yankina, L. I. (1973). *M. Gor'kii v Samare* [M. Gorky in Samara]. 112 p. Kuibyshev. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2023

Поступила в редакцию 08.09.2023

Перепелкин Михаил Анатольевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
mperepelkin@mail.ru

Perepelkin Mikhail Anatol'evich,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
mperepelkin@mail.ru

Пелевина Оксана Владимировна,
аспирант,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева,
443086, Россия, Самара,
Московское шоссе, 34.
oxanapele@gmail.com

Pelevina Oksana Vladimirovna,
graduate student,
Samara University,

34 Moskovskoe Shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.
oxanapele@gmail.com